

УДК 316.654:329.1./6(476)

СВЕТЛАНА ХАМУТОВСКАЯ,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела политической социологии и социологии права Института социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск

Политико-идеологические предпочтения населения Республики Беларусь: социологический анализ

Аннотация

На базе анализа результатов репрезентативных социологических исследований, проведенных Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в 2012 году, выявлены основные политико-идеологические предпочтения граждан Республики Беларусь в зависимости от социально-демографических характеристик. Установлено, что более половины респондентов имеют достаточно четко выраженную идеологическую идентификацию, при этом наибольшее число сторонников наблюдается у социал-демократических, либерально-демократических и коммунистических политико-идеологических течений. Определено наличие/отсутствие влияния различных политико-идеологических предпочтений опрошенных на поддержку ими тех или иных политических партий, общественных организаций и объединений в политическом поле Республики Беларусь. Проанализирована взаимосвязь между политико-идеологическими предпочтениями социальных групп и их представлениями о демократии и гражданском обществе.

Ключевые слова: *политико-идеологические предпочтения населения Беларуси, политические партии, общественные организации и объединения Беларуси, представления о демократии и гражданском обществе населения Беларуси*

Как известно, в большинстве современных демократических государств, особенно транзитивного типа, к каковым относится и Республика Беларусь, значительное внимание уделяется развитию политической системы. Неотъемлемой ее частью является наличие политической идеологии, которая, будучи основанной на выражении политических интересов различных индиви-

дов, социальных групп и общностей, как правило, обуславливает политические предпочтения, позиции и отчасти политическое поведение последних, предлагает конкретный набор ценностей, определяющий их ориентиры и мотивацию в политической сфере жизнедеятельности. Политическая идеология очерчивает границы между участниками политических процессов, позволяет гражданам персонифицировать тот или иной политический курс в личности политического лидера, программе или платформе партии, политического блока, союза, может влиять на выбор людьми организаций и групп в политическом поле для приобщения к ним в качестве члена либо “сочувствующего”, на формирование гражданской идентичности. Все это делает актуальным выявление политико-идеологических предпочтений населения Республики Беларусь как “молодого” демократического правового государства посредством обращения к данным социологических исследований, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси в 2012 году.

Можно согласиться с российским исследователем Е.Ю.Мелешкиной, которая, рассматривая политико-идеологические предпочтения как одну из основных составляющих политических установок избирателей, указывает, что они представляют собой “попытки рационального обоснования социально-статусных диспозиций” и существуют “в виде более или менее целостной системы ценностей, в которых отражается сущность общественных проблем и способов их решения” [Мелешкина, 2000: гл. 7, с. 181]. Рациональность в этом случае заключается в том, что индивид минимизирует усилия на выбор достойного поддержки политического субъекта на основании симпатии к тому политическому деятелю или партии, чья идеология наиболее соответствует его политическим представлениям. Также отмечается необходимость учета воздействия условий политической социализации индивидов и типа политической культуры на политико-идеологические предпочтения.

В целом подобное мнение характерно для представителей рационально-инструментального подхода к анализу политического поведения. Так, американский экономист, политолог Э.Даунс писал, что ориентация на идеологию партии помогает людям осуществлять электоральный выбор без знакомства с теми или иными политическими вопросами и проблемами [Downs, 1957: p.113], то есть уменьшает “издержки” избирателя, связанные с участием в выборах в органы государственной власти и управления. Кроме того, Э.Даунс разработал “лево-правый” континуум, “представляющий собой одномерное отображение идеологических предпочтений избирателей и кандидатов (партий)” [Ахременко, 2007: с. 49]. На 100-балльной шкале исследователь расположил идеологические позиции от крайне левых (близких к 0) до крайне правых (близких к 100). В качестве шкалообразующего признака было предложено соотношение доли частных и государственных структур в социально-экономической жизнедеятельности общества. С помощью данной шкалы избирателям необходимо было ответить на вопрос: “Из какого сектора Вы хотите получать товары или услуги (и то, и другое — в широком смысле слова) — из частного или государственного?” [Ахременко, 2007: с. 49]. Крайне левые взгляды характеризуются высокой поддержкой государственного участия в делах общества, крайне правые — восприятием государства как “ночного сторожа”. При этом “лево-правый” континуум позволяет получить “суммарную меру ответов на отдельные вопросы политической повестки дня, позиционирования в более широком спектре политических курсов” [Ахременко, 2007: с. 49]. В предложенной модели и

кандидаты, и партии ориентируются на то, чтобы получить или сохранить контроль над правительством, что в большинстве демократических политических режимов возможно в результате победы на выборах. Поэтому всякий кандидат или политическая партия стремится набрать на выборах максимальное количество голосов, предлагая в ходе предвыборной кампании свои программы, платформы. Последние должны быть оценены избирателями относительно близости к их собственной политической позиции. То есть на 100-балльной шкале кандидатам, партиям предстоит так расположить свои предложения, чтобы как можно большее количество идеальных точек избирателей (предпочтительных политических альтернатив, поддержка которых принесет избирателю наибольшую выгоду) оказалось ближе к ним. Модель Э.Даунса построена с учетом того, что идеальные точки избирателей распределены по шкале равномерно, а расстояние от позиции кандидата, партии до позиции избирателя определяется “как модуль разности координат” [Ахременко, 2007: с. 50].

Представим себе электорат, включающий в себя 1000 избирателей, чьи идеальные точки распределяются по 100-балльной “лево-правой” шкале равномерно, а также партию R и партию L . Последняя является представителем левых взглядов и располагает свою позицию в точке 30 ($L = 30$). Каким образом будет расположена партия R с целью максимизировать количество голосов электората? Согласно модели Э.Даунса близко к партии L , справа от нее ($R = 31$). Тогда в непосредственной близости от партии R будет находиться около 70% избирателей, в то время как рядом с партией L их окажется всего 30%. Получается, что партии R выгодно занимать позицию после того, как определится партия L , причем максимально близко к последней.

Если предположить, что партия L учтет тактику партии R , то она будет позиционировать себя как можно ближе к середине шкалы. Так же поступят обе партии и в том случае, если им придется формулировать свои позиции в одно время, что, чаще всего, и происходит в рамках реальных избирательных процессов. Именно по этой причине, по мнению Э.Даунса, к примеру, позиции Демократической и Республиканской партий в США “порой слабо различимы, даже для искушенного наблюдателя” [Ахременко, 2007: с. 50]. Российский политолог О.В.Попова считает, что в современной политической жизни как европейских стран, так и постсоветских, в частности Российской Федерации, “традиционные политические акторы — классы, партии, профсоюзы и даже государства — играют все меньшую роль, снижается влияние идеологии в партийной жизни; большинство партий для привлечения сторонников становятся “всеядными”. Классические партии, опирающиеся на четко обозначенные идеологию и социальный класс, все чаще оказываются в рядах аутсайдеров, не надеющихся на политический успех” [Попова, 2009: с. 145].

И действительно, позиции ряда политических партий, включая белорусские, относительно тех или иных идеологических вопросов зачастую оказываются не только схожими, но и направленными на учет интересов самых различных категорий населения, социальных групп и общностей (что особенно явно прослеживается в предвыборных программах). Известно, что идеологические различия политических партий, как и политико-идеологические предпочтения их сторонников, зачастую теряют свою значимость по мере усложнения социальной структуры и развития демократического политического режима, что, собственно, и происходит на протяже-

нии нескольких последних десятилетий в Беларуси. Так, если в 50–60-х годах XX века можно было говорить о более или менее строгом соответствии той или иной идеологии определенной социальной группе (“классовости” идеологии), то начиная с 1970-х годов XX века (преимущественно в США, Великобритании, Западной Германии, Франции, а затем и в иных странах) эта взаимосвязь начинает приобретать условный характер, позиция граждан по ряду проблем все чаще опосредуется не их принадлежностью к классу, большой социальной группе, не групповым восприятием политической действительности, а индивидуализацией политического сознания [Dalton, 1988: р. 201]. Так, российский исследователь С.Н.Пшизова указывает, что “изменение социальной структуры общества (кливажей), ослабление классовых и идеологических идентификаций приводит к высвобождению все большего числа избирателей из пут априорных групповых политических ориентаций. Сфера гарантированной партийной лояльности резко сужается. Все больше людей в западных демократиях становятся независимыми в своих политических симпатиях, предпочитая действовать на политической сцене индивидуально” [Пшизова, 2009: с. 112]. При этом также не следует забывать, что “в современных условиях любое идеологическое течение включает в себя положения, которые импонируют самым разнообразным классам, стратам и социальным группам, что создает условия для их идеологического консенсуса” [Попова, 2001: вып. 5, с. 174].

Вследствие этого вполне закономерно, что в Беларуси политическая идентификация более вероятна на базе политической идеологии, так как для опрошенных граждан ценность представляют не сами политические партии и их лидеры как политические субъекты, сосредоточившие в себе определенный политический смысл или содержание, а скорее их репрезентативная сторона, отчасти воплощающаяся в идейно-политической составляющей. К примеру, коммунисты в Беларуси на протяжении долгого исторического периода продолжают сохранять достаточно определенную группу своих сторонников, и даже, несмотря на их разделение на две партии на некоторое время, количество приверженцев их исходной идеологической ориентации стабильно, что обеспечивает им представительство во всех созывах Национального собрания Республики Беларусь. В результате социологического исследования, *репрезентативного для взрослого (16+) населения Беларуси по регионам (шесть областей и город Минск), типам населенного пункта (город/село), зонам (пять зон в зависимости от количества населения), а также по полу и образованию (исследование проводилось Институтом социологии НАН Беларуси методом анкетирования в ноябре–декабре 2012 года; выборка (случайная маршрутная с проверкой квот) составила 2084 человека)*, выяснилось, что 10,9% респондентов в ответ на вопрос “Идеи каких политических течений Вы разделяете?” отметили, что разделяют коммунистические идеи.

Что касается поддержки белорусами иных политико-идеологических течений, представленных, главным образом, в партийном спектре, то следует указать, что достаточно большим оказалось число опрошенных, которые были приверженцами таких политических идеологий, как социал-демократическая (16,5%) и либерально-демократическая (15,6%), получивших в течение последних нескольких десятилетий широкое распространение во многих странах мира, особенно провозгласивших себя демократическими правовыми государствами.

Менее популярными являлись такие политические идеологии, как национал-патриотическая и консервативная: их идейные установки были близки соответственно для 6,3% и 5,6% опрошенных. Последние места достались национализму, идеи которого были привлекательными для 2,8% респондентов, и анархизму, чьи позиции оказались приемлемыми для 0,3% респондентов. Примерно четверть опрошенных (24,6%) не разделяли идей и взглядов никаких идейно-политических течений, 14,3% затруднились ответить на данный вопрос.

При этом было выявлено, что среди респондентов, сказавших о том, что они поддерживают идеи и программу Либерально-демократической партии и Белорусской партии “Зеленые”, доля тех, кто разделял либерально-демократические взгляды, была статистически выше (69,6% и 63,5% соответственно), чем в случае сторонников любых других идей. Среди тех, кому ближе всего оказались идеи и программа Коммунистической партии Беларуси, доля разделяющих именно коммунистическую идеологию была также статистически выше, чем в случае любых других (91,1%) ($p \leq 0,05$, проверялось с помощью критерия “угловое преобразование Фишера” (ϕ^*)). Позиции респондентов относительно поддержки остальных официально зарегистрированных в Республике Беларусь политических партий в зависимости от их политико-идеологических предпочтений оказались весьма размытыми; отчасти это еще раз подтверждает, что идеи и программа многих партий, придерживающихся различных политических идеологий, по мнению опрошенных с разными политико-идеологическими взглядами, трудно различимы.

Что касается социально-демографических характеристик респондентов, то как либерально-демократические свои идеологические предпочтения обозначили, главным образом, опрошенные в возрасте до 30 лет (31,1% \pm 3,5%, $\phi^* = 3,70$; $p \leq 0,001$). Помимо того, что в группе “до 30 лет” доля опрошенных молодых людей с либерально-демократическими взглядами была больше ($\phi^* = 6,62$; $p \leq 0,001$), в ней также была больше доля молодых людей с националистическими взглядами ($\phi^* \geq 2,08$; $p \leq 0,02$).

Респонденты в возрастных когортах от 30 до 59 лет и от 60 лет и старше в основном не разделяли идей никаких политических течений (31,0% \pm 2,5%, $\phi^* = 6,60$; $p \leq 0,001$ и 34,1% \pm 4,3%, $\phi^* = 4,54$; $p \leq 0,001$ соответственно).

Однако в группе “60 лет и старше” доля тех, кто определял свои идеологические пристрастия как социал-демократические, была меньше, а как коммунистические — больше других (соответственно $\phi^* = 2,28$; $p \leq 0,02$ и $\phi^* = 4,65$; $p \leq 0,001$). Неудивительно, что члены Коммунистической партии Беларуси также преимущественно имеют “почтенный” возраст. Как отметил первый секретарь Центрального комитета КПБ И.В.Карпенко, в партии есть “определенный возрастной дисбаланс. У нас очень много людей глубоко пенсионного возраста, а молодежи порядка 20%. Я не думаю, что наличие большого числа людей в возрасте — это какая-то проблема. Наоборот, представители старшего поколения, как показывают все исследования, наиболее политически активны, они несут с собой опыт. Да и энергии многих из них позавидуют некоторые молодые. Но, конечно, хотелось бы, чтобы средняя возрастная прослойка была более широкая” [Гигин, 2013: с. 3–4]. Он прямо указал на то, что сегодня КПБ необходимо “сделать прорывной скачок в плане омоложения партийных рядов, подтянуть идейных, убежденных людей”, ко-

торые разделяют их программные цели, задачи, идеологию. “Имеется в виду не только молодежь до 31 года, но и люди 40–50 лет” [Гигин, 2013: с. 7].

Среди опрошенных, разделяющих консервативные и национал-патриотические идеи, статистических различий в долях по возрастным группам выявлено не было.

Исходя из социального положения, к коммунистическим взглядам тяготели в первую очередь респонденты с таким социальным статусом, как неработающие пенсионеры (18,7%); к либерально-демократическим — руководители высшего звена (35,1%), предприниматели, фермеры, самозанятые (33,1%), служащие (специалисты производственной сферы) (23,5%), домохозяйки (15,8%), учащиеся, студенты (33,2%); к социал-демократическим — руководители среднего (37,5%) и низшего (23,2%) звена, служащие (специалисты непромышленной сферы) (28,7%), служащие без специального образования (22,4%), рабочие (17,0%), крестьяне, рабочие сельского хозяйства (14,8%), военнослужащие, сотрудники правоохранительных органов (31,9%), работающие пенсионеры (20,1%).

Что касается отличий по полу в ориентациях опрошенных на ту или иную политическую идеологию, то они были значимы только для тех, кто поддерживал анархизм и национализм. В частности следует отметить, что среди мужчин доля разделяющих взгляды анархистов (0,6%) была выше, чем среди женщин (0,2%) ($\varphi^* = 1,696, \rho \leq 0,05$). Также среди мужчин доля поддерживающих взгляды националистов (4,4%) была выше, чем среди женщин (2,4%) ($\varphi^* = 2,552, \rho \leq 0,01$).

Склонны были считать себя либерал-демократами (19,5% ± 2,0%) и социал-демократами (20,8% ± 2,0%), главным образом, горожане (среди респондентов, проживающих в городе, их доли были больше и составляли соответственно $\varphi^* = 2,00; \rho \leq 0,03$ и $\varphi^* = 2,56; \rho \leq 0,01$). Позиции национализма (4,6% ± 1,8%), наоборот, оказались более приемлемыми прежде всего для сельских жителей (среди респондентов, проживающих в селе, доля тех, кто разделяет националистические взгляды, была немного больше и составила $\varphi^* = 1,81; \rho \leq 0,04$). Относительно остальных позиций статистически значимых различий выявлено не было.

Кроме того, в ходе социологического исследования, осуществленного ранее, выяснилось, что все политические партии Республики Беларусь как основные представители различных политико-идеологических течений пользовались крайне малой поддержкой и доверием граждан. К примеру, согласно результатам репрезентативного республиканского мониторинга общественного мнения, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в апреле–мае 2012 года (выборка составила более 2090 человек во всех областях Беларуси и городе Минске), в 2012 году им доверяли 14,8% опрошенных, а не доверяли — 35,9%. Соответственно, идею выборов в парламент по партийным спискам поддержали всего 14,1% респондентов, 26,0% выступили против, большинство — 58,7% — не имели определенной точки зрения по данному вопросу (затруднились ответить). Но если бы ближайшие выборы в парламент проводились по партийным спискам, то 64,0% не знали, за какую партию они хотели бы проголосовать, еще 23,6% проголосовали бы против всех. Из чего можно сделать вывод, что у респондентов преобладала негативная партийная идентификация, которая заключается в том, что им было легче определиться, какую партию они никогда не поддержат, чем выбрать

партию, идеи и программу которой они потенциально готовы поддержать на выборах, что отчасти связано с тем, что в течение нескольких последних лет большинство политических партий Беларуси продемонстрировали невысокие адаптивные способности к изменяющимся условиям жизни.

Закономерно, что по результатам социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в ноябре–декабре 2012 года, 75,7% и 11,0% респондентов соответственно не считали и скорее не считали себя сторонниками какой-либо политической партии. В ориентациях тех, кто причислял себя к сторонникам определенной партии, в зависимости от поддержки тех или иных политических идей статистически значимых отличий выявлено не было, то есть их доли приблизительно совпадали. При этом при использовании доверительного интервала (то есть с вероятностью 0,95, уровень значимости 0,05) были найдены следующие погрешности для групп респондентов, поддерживающих конкретные политические идеологии и считающих себя сторонниками политических партий: разделяющие анархические идеи — $15,9 \pm 28,7\%$; разделяющие либерально-демократические идеи — $7,5 \pm 2,7\%$; разделяющие коммунистические идеи — $9,5 \pm 3,7\%$; разделяющие консервативные идеи — $8,1 \pm 4,7\%$; разделяющие националистические идеи — $8,1 \pm 6,7\%$; разделяющие национал-патриотические идеи — $9,3\% \pm 4,8\%$; разделяющие социал-демократические идеи — $5,7 \pm 2,3\%$.

Следует отметить, что полученные данные указывают на определенный политический потенциал опрошенных, который в настоящее время на практике реализовывается лишь частично. Так, в целом, процент белорусских граждан, реально принимающих участие в деятельности политических партий, согласно итогам исследования, составил чуть больше единицы ($1,2 \pm 0,4\%$, $\rho = 0,05$). При этом вообще не было тех, кто принимал участие в работе партий, только среди опрошенных с анархическими взглядами. На примере коммунистической партии очевидно прослеживалось, насколько важно наличие политического потенциала: несмотря на то, что среди опрошенных наименьшее количество людей отметили, что участвуют в ее деятельности на практике ($0,4 \pm 0,8\%$), как упоминалось выше, именно те, кому более всего были близки идеи и программа партии коммунистической направленности, придерживались коммунистических взглядов, и именно среди разделяющих коммунистические убеждения опрошенных — наряду со сторонниками социал-демократических и национал-патриотических идей (соответственно 55,2% и 52,4%) — процент граждан, утверждавших, что они принимают участие в выборах в парламент Беларуси, был одним из самых высоких (52,9%), что объясняет факт присутствия коммунистов в Палате Представителей Национального собрания всех созывов, в отличие от представителей других партий. Для сравнения: в нижнюю палату парламента пятого созыва, состоящую из 110 депутатов, в 2012 году прошло 5 представителей политических партий — 1 от Белорусской аграрной партии, 1 от Республиканской партии труда и справедливости, 3 от Коммунистической партии Беларуси. В Палату представителей четвертого созыва в 2008 году было избрано 7 представителей политических партий, а именно: 6 от Коммунистической партии Беларуси во главе с ее лидером Т.Г.Голубевой и председатель Белорусской аграрной партии М.И.Русый [В новом парламенте, 2008]. В нижней палате парламента третьего созыва работали 12 партийцев (1 от Либераль-

но-демократической партии, 3 от Белорусской аграрной партии, 8 от Коммунистической партии Беларуси), второго созыва — 14 партийцев (по одному от Партии народного согласия, Республиканской партии труда и справедливости, Либерально-демократической партии, 4 от Белорусской аграрной партии, 6 от Коммунистической партии Беларуси). Используя терминологию американских политологов Г.Алмонда и С.Вербы, следует отметить, что среди опрошенных, разделяющих коммунистические взгляды, реальный и поведенческий потенциал относительно поддержки политической партии соответствующей идеологической ориентации в достаточно большой степени совпадают и носят открытый характер, что в идеале должно способствовать укреплению веры граждан в их политические возможности. Как писали упомянутые авторы в работе “Гражданская культура и стабильность демократии”, “если вера в политические возможности человека время от времени не будет подкрепляться, она скорее всего исчезнет” [Алмонд, 1992: с. 26]. В свою очередь, касательно данных видов потенциалов опрошенных с иными политико-идеологическими предпочтениями можно согласиться с Г.Алмондом и С.Вербой, что “несоответствие между позициями и поведенческими актами выступает как скрытый ... источник политического влияния и активности” [Алмонд, 1992: с. 126].

Кроме того, низкая степень вовлеченности белорусских граждан в реальную деятельность политических партий отчасти связана с тем, что в течение нескольких последних лет для них в качестве ведущего идентифицирующего фактора выступает не идеология, не партия, не государство, а семья. К примеру, в 2007 году 85% опрошенных граждан нашей республики различных имущественных и социальных статусов, политических и идеологических предпочтений идентифицировали себя именно с семьей (по данным репрезентативного республиканского мониторинга общественного мнения, проведенного в 2007 году Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси, выборка — 2065 человек). По результатам мониторинга общественного мнения 2012 года, осуществленного Институтом, 77,5% и 16,4% белорусов заявили, что они соответственно часто либо иногда испытывают чувство общности с семьей, 61,4% и 29,5% — с друзьями и знакомыми. Для сравнения: чувство общности с людьми, близкими по политическим взглядам или позиции, часто и иногда испытывали соответственно 18,8% и 43,5%, с людьми той же национальности — 30,8% и 44,5%, с людьми своего поколения — 38,5% и 47,5%, с людьми, живущими в том же городе или поселке, — 25,4% и 50,1%. Отсюда видно, что менее отчетливо в общественном сознании белорусов выражается цивилизационно-культурная, национальная и политическая идентификация, что отчасти сказывается на формировании партийной, идеологической и гражданской идентичности.

Помимо работы в рамках политических партий активность опрошенных с различными политико-идеологическими предпочтениями определенным образом выражалась также в иных формах участия/неучастия в общественно-политической жизни страны. Так, к примеру, наибольшую часть респондентов, указавших на то, что они вообще не принимают участия в общественно-политической жизни, закономерно составили люди, поддерживающие анархическую идеологию (63,3%) и не разделяющие никаких политических взглядов (38,1%).

Также необходимо отметить, что в 2012 году, несмотря на то, что политическая система Беларуси включает множество различных форм и способов участия граждан в политической жизни и управлении государством, традиционно в качестве основной формы такого рода практического участия опрошенные белорусы с различными политико-идеологическими предпочтениями выделили участие в выборах Президента (62,0%), парламента (42,2%), местных органов власти (47,4%). Интересным фактом стало выявленное у части граждан, разделяющих идеологию анархизма, стремление к участию в выборах Главы государства (36,7%) и органов местной власти (12,7%), а также к обсуждению законопроектов (15,9%) и работе в профсоюзных организациях (12,7%), хотя известно, что в число теоретических положений данной идеологии входит отвержение государственного строя, освобождение от всех форм политической власти и тому подобное.

Кроме того, наибольшее количество людей в рамках всех категорий опрошенных, выделенных по политико-идеологическому признаку, сказали о том, что принимают участие в работе профсоюзных организаций (в среднем от 12% до 16%), а также в деятельности общественных организаций, движений, фондов (в среднем от 6% до 11%). Относительно указанных неправительственных структур предпочтения распределились следующим образом: граждане, разделяющие коммунистические, либерально-демократические, социал-демократические, националистические, национал-патриотические взгляды, были активно задействованы в работе благотворительных ($14,7 \pm 4,9\%$, $14,8 \pm 4,1\%$, $10,0 \pm 3,3\%$, $13,8 \pm 9,5\%$, $12,5 \pm 6,0\%$ соответственно), культурных ($11,5 \pm 4,4\%$, $10,4 \pm 3,5\%$, $9,5 \pm 3,2\%$, $17,2 \pm 10,6\%$, $13,2 \pm 6,2\%$ соответственно), молодежных и детских ($9,4 \pm 4,0\%$, $17,1 \pm 4,4\%$, $11,2 \pm 3,5\%$, $18,8 \pm 11,1\%$, $15,6 \pm 6,7\%$ соответственно) и спортивных организаций ($8,2 \pm 3,7\%$, $10,9 \pm 3,6\%$, $9,5 \pm 3,2\%$, $23,0 \pm 12,3\%$, $14,3 \pm 6,4\%$ соответственно). Приверженцы консервативных взглядов активно участвовали в деятельности экологических ($11,1 \pm 6,0\%$), благотворительных ($10,9 \pm 6,0\%$), спортивных ($10,5 \pm 5,9\%$) и религиозных организаций ($10,1 \pm 5,8\%$).

Из сказанного выше видно, что при соотнесении основных положений конкретных политических идеологий с выбором их сторонниками определенных общественных организаций и объединений, где те или иные идеи могли бы полноценно реализоваться, обнаруживается некоторое несоответствие. К примеру, сторонники социал-демократической идеологии с ее установками на повышение качества жизни, в том числе посредством создания эффективной системы социального обеспечения, не выделили в качестве приоритетного для себя участие в работе ветеранских объединений, обществ инвалидов, женских организаций и т.п. Опять-таки прослеживается, за исключением позиции консерваторов, “стирание” различий между приверженцами различных политико-идеологических взглядов в выборе общественных организаций и объединений для активного участия.

Интересные данные были получены при соотнесении результатов идеологической идентификации с соответствующими представлениями респондентов о демократии и гражданском обществе. Большинство опрошенных с различными политико-идеологическими предпочтениями отметили, что для них демократия — это, главным образом, свобода слова, прессы, вероисповедания, соблюдение прав человека (в среднем от 40% до 60%).

При этом сторонники либеральной демократии ($48,3 \pm 7,3\%$), национал-патриотических ($49,2 \pm 11,8\%$) и социал-демократических ($44,4 \pm 6,8\%$) идей указали также на важность понимания того, что демократия, по их мнению, должна включать в себя возможность для граждан участвовать в политической жизни страны ($\rho \leq 0,05$). Эти же категории опрошенных (соответственно $46,3 \pm 7,1\%$, $45,6 \pm 11,4\%$, $41,9 \pm 6,6\%$) наряду с приверженцами коммунистических ($46,7 \pm 8,7\%$) и консервативных ($39,2 \pm 11,2\%$) политико-идеологических течений считали демократию невозможной без равенства и социальной справедливости. В свою очередь, националисты ($15,5 \pm 10,1\%$), а также граждане, не разделяющие никаких политических взглядов ($12,9 \pm 3,1\%$), чаще, чем либерал-демократы, консерваторы, национал-патриоты и социал-демократы, высказывали убежденность в том, что демократия, по их мнению, невозможна без болтовни и демагогии ($\rho \leq 0,05$). Кроме того, по сравнению с приверженцами коммунистических идей, анархисты почти в два раза меньше говорили о том, что демократия — это стабильность и порядок (статистические различия с респондентами, поддерживающими коммунистические взгляды, составили $\varphi^* = 1,65$, $\rho \leq 0,05$).

В целом, в результате исследования восприятия демократии как социально-политического явления со стороны респондентов с различными политико-идеологическими предпочтениями посредством факторного анализа (КМО=0,763) можно выделить четыре основных фактора, между которыми распределились выделенные изучаемыми группами значения:

- 1) фактор негативного восприятия (демократия — это беспорядок и неуправляемость; безответственность, когда никто ни за что не отвечает; вседозволенность; болтовня и демагогия);
- 2) фактор свободы и справедливости (демократия — это соблюдение прав человека, свобода слова, прессы, вероисповедания; равенство и социальная справедливость; стабильность и порядок);
- 3) фактор участия (демократия — это возможность для граждан участвовать в политической жизни страны; выборность должностных лиц органов власти и управления; активное развитие партий, общественных организаций, движений);
- 4) фактор плюрализма (демократия — это наличие политической оппозиции; конкуренция в политике; самостоятельность законодательной, исполнительной и судебной властей).

Если по каждому фактору выстроить индексы, то средние значения последних по каждой рассматриваемой группе можно представить на графике (рис. 1).

Что касается гражданского общества, то опрошенные с различными политико-идеологическими предпочтениями охарактеризовали его, в первую очередь, как общество, основу которого составляют свобода личности, слова и обеспечение прав человека (в среднем от 62% до 84%; группа с либерально-демократическими взглядами — $\varphi^* = 8,02$, $\rho \leq 0,001$; с коммунистическими взглядами — $\varphi^* = 5,06$, $\rho \leq 0,001$; с консервативными взглядами — $\varphi^* = 2,57$, $\rho \leq 0,01$; с национал-патриотическими взглядами — $\varphi^* = 2,18$, $\rho \leq 0,02$; с социал-демократическими взглядами — $\varphi^* = 4,69$, $\rho \leq 0,001$).

В зависимости от принадлежности опрошенных к группе с конкретными политико-идеологическими предпочтениями распределение оставшихся статистически значимых позиций также можно представить в виде графика (рис. 2).

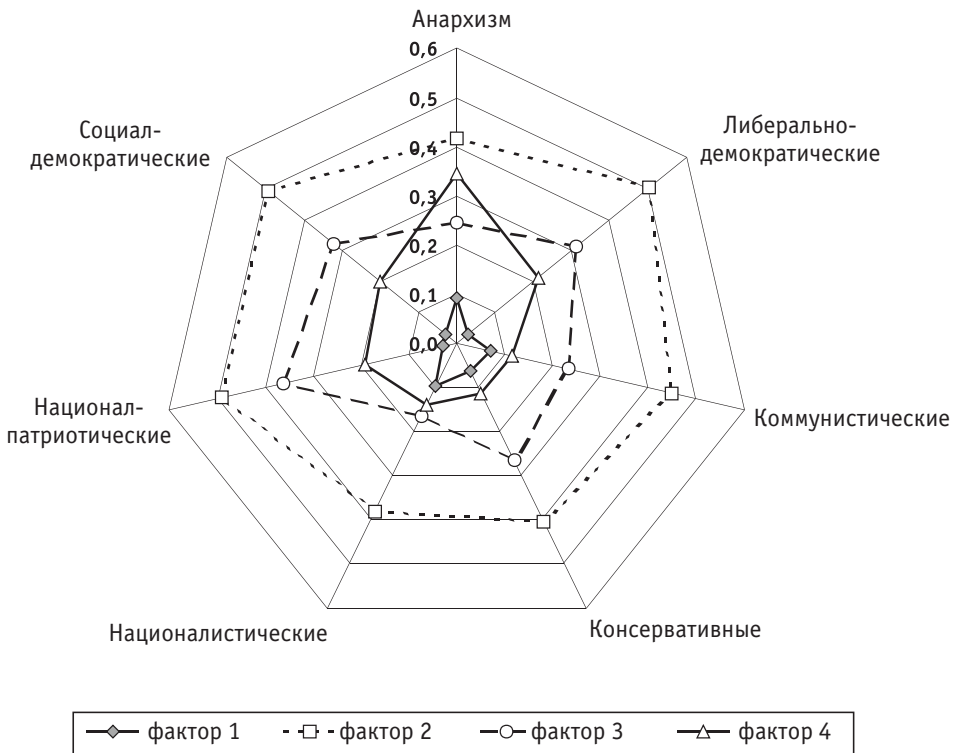

Рис. 1. Средние значения индексов по каждой рассматриваемой группе

Из графика явно видно, что, помимо в определенной степени присущей всем группам позиции “гражданское общество — это свобода личности, слова и обеспечение прав человека”:

- респонденты, поддерживающие либерально-демократические идеи, на второе место поставили “гласность и доступность информации о положении дел в обществе”, “личную безопасность и неприкосновенность частной жизни” и “участие граждан в государственном управлении” ($\varphi^* \geq 5,50, \rho \leq 0,001$);
- для респондентов, разделяющих коммунистическую идеологию, на втором месте оказались “гласность и доступность информации о положении дел в обществе” и “личная безопасность и неприкосновенность частной жизни” ($\varphi^* \geq 2,15, \rho \leq 0,02$), на третьем — “участие граждан в государственном управлении” ($\varphi^* = 3,27, \rho \leq 0,001$);
- у респондентов с консервативными воззрениями на второе место вышли “гласность и доступность информации о положении дел в обществе” и “личная безопасность и неприкосновенность частной жизни” ($\varphi^* \geq 1,71, \rho \leq 0,05$);
- для национал-патриотов второе место по значимости заняла позиция “гласность и доступность информации о положении дел в обществе” ($\varphi^* = 1,83, \rho \leq 0,04$), третье — “личная безопасность и неприкосновенность частной жизни”, “участие граждан в государственном управлении”

и “конструктивное сотрудничество политических партий и общественных организаций с государством” ($\varphi^* \geq 3,14, \rho \leq 0,001$);

- респонденты, поддерживающие социал-демократическую идеологию, на второе место поставили “гласность и доступность информации о положении дел в обществе” ($\varphi^* = 2,75, \rho \leq 0,01$), на третье — “личную безопасность и неприкосновенность частной жизни” ($\varphi^* = 1,98, \rho \leq 0,03$).

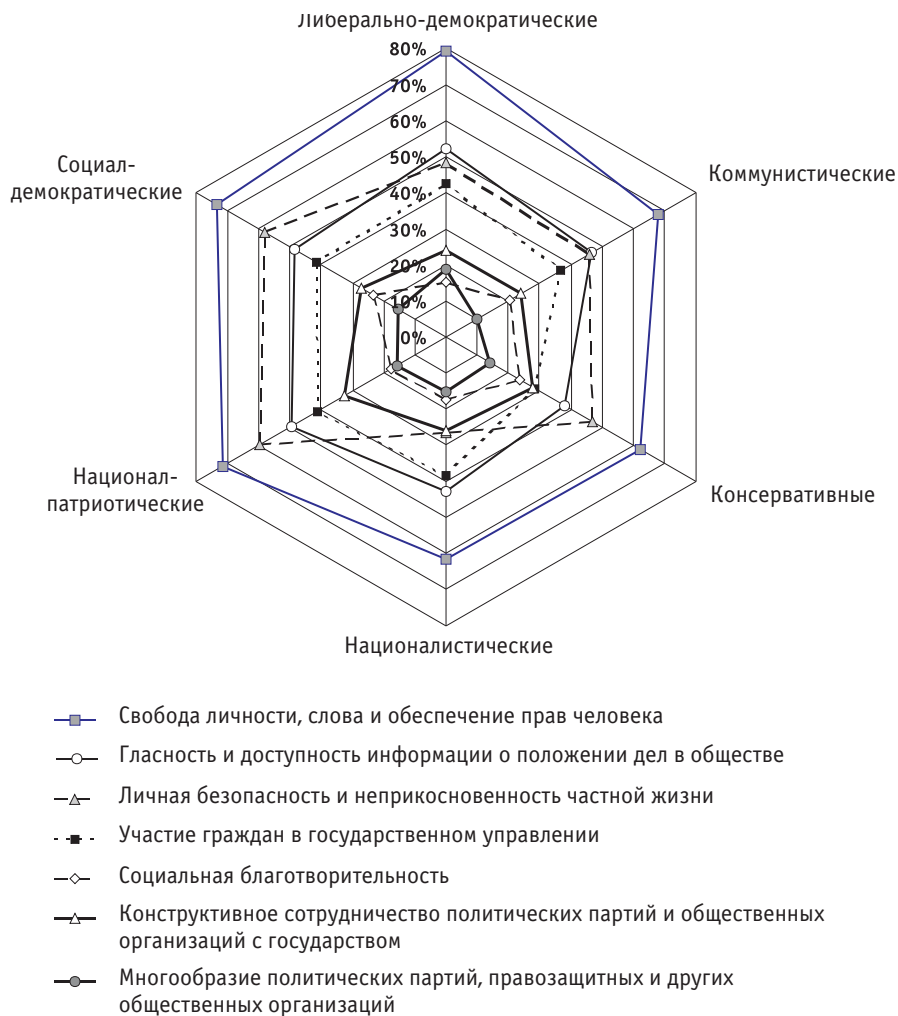

Рис. 2. Значения показателей гражданского общества для каждой группы с определенными политико-идеологическими предпочтениями

В целом подобные взгляды опрошенных продемонстрировали достаточно адекватное понимание сущности гражданского общества, научные определения которого указывают на то, что “это общество, в котором происходит переход основных властных функций от государства к независимым от власти общественным объединениям, способным создать необходимые условия для реализации прав и свобод граждан, самоорганизации личности, реализации

ее законных интересов и важнейших потребностей, роста гражданской культуры и самодеятельности” [Котляров, 2007: с. 7]. Из сказанного следует, что неотъемлемым структурным элементом гражданского общества является именно множество общественных организаций и объединений.

Таким образом, подводя итог, можно сделать следующие выводы. Во-первых, несмотря на то, что во многих государствах Центральной и Восточной Европы, провозгласивших себя демократическими или осуществляющими “транзит” к демократическому политическому режиму, роль традиционных “маркеров” для формирования и развития политической идентичности, к которым, помимо прочих, относятся и политические идеологии, снижается; в Беларуси более 50% респондентов имеют достаточно четко выраженную идеологическую идентификацию, в отличие, к примеру, от идентификации партийной. При этом наибольшее число сторонников наблюдается у социал-демократических, либерально-демократических и коммунистических политико-идеологических течений. Также в политическом сознании граждан постепенно укореняются идеи и ценности национал-патриотической и консервативной идеологии. Во-вторых, наибольшим политическим потенциалом с частичной его реализацией на практике обладают опрошенные, определяющие свои политико-идеологические предпочтения как коммунистические. В-третьих, в течение последних нескольких десятилетий в Беларуси наблюдается усиление социальной идентификации граждан, преимущественно, с ближайшим окружением (семьей, друзьями и т.п.), наряду с ослаблением идеологических, партийных и гражданских идентификаций. В-четвертых, как и прежде, граждане с различной идеологической позицией принимают участие в общественно-политической жизни страны посредством традиционных институциональных и формализованных способов, а именно выборов в органы государственной власти и управления должностных лиц. В определении общественных организаций и объединений для активного участия существенные различия между приверженцами различных политико-идеологических взглядов, за исключением позиции консерваторов, выявлены не были. Однако необходимо учитывать тот факт, что число опрошенных, отметивших свое участие в работе общественных организаций, объединений и фондов, более чем в два раза превысило число опрошенных, указавших на свое участие в деятельности политических партий. В сложившейся ситуации одним из условий развития всего множества форм политического участия должно стать совершенствование принимаемых государством мер, направленных на обеспечение эффективного взаимодействия власти и индивидов, позволяющего последним максимально открыто выражать их политические интересы, защищать права и свободы, осуществлять совместную деятельность; необходимы также разработка и реализация государственной политики в области поддержки различных гражданских инициатив, внесение необходимых изменений в законодательство, привлечение общественности к принятию политических и иных общественно значимых решений, структурирование политического поля. В-пятых, при определении сути понятий “демократия” и “гражданское общество” было установлено в целом сходство позиций почти всех категорий опрошенных, выделенных по политико-идеологическому признаку, что свидетельствует о недостаточно четком усвоении индивидами основных наборов ценностей и установок, присущих каждой конкретной политической

идеологии. В-шестых, социально-демографические характеристики опрошенных (возраст, социальное положение, тип населенного пункта проживания) в определенной степени влияют на их политико-идеологическое самоопределение, выбор политических ценностей и установок.

В статье были выявлены основные политико-идеологические предпочтения населения Республики Беларусь и исследованы некоторые особенности их формирования и развития. Однако политические потребности и образ мышления современных людей, влияющие на концептуализацию политического выбора, в том числе и на определение в качестве приоритетных политических идей, сконцентрированных в той или иной политической идеологии, не будучи статичными, способны оказывать существенное воздействие на различные аспекты жизнедеятельности индивидов, социальных групп, общностей, социума, что требует проведения дальнейших научных разработок по данной теме, особенно направленных на изучение взаимосвязи между политико-идеологическими предпочтениями граждан транзитивных государств и становлением их гражданской идентичности, а также взаимосвязи политико-идеологических предпочтений людей и их внутри- и внешнеполитических ориентаций.

Источники

Алмонд Г. Гражданская культура и стабильность демократии / Г.Алмонд, С.Верба // Политические исследования. — 1992. — № 4. — С. 122–134.

Ахременко А.С. Пространство электорального выбора: модели и концепции (часть первая) / А.С.Ахременко // Вестник МГУ. — 2007. — № 1. — С. 45–55 (Серия 12: Политические науки).

В новом парламенте Беларуси лишь семь представителей политических партий [Электронный ресурс] // Информационно-справочный портал Беларуси. — 2008. — Режим доступа: <http://www.interfax.by/news/belarus/46553>.

Гигин В. Игорь Карпенко: “Горжусь высоким званием коммуниста” / В.Гигин // Беларуская думка. — 2013. — № 1. — С. 3–11.

Котляров И.В. Политические партии Беларуси как важнейшие структурные элементы гражданского общества / И.В.Котляров // Иппокрена. — 2007. — № 2 (7). — С. 5–17.

Мелешкина Е.Ю. Российский избиратель: установки и выбор / Е.Ю.Мелешкина // Первый электоральный цикл в России (1993–1996 гг.) / Общ. ред.: Е.Ю.Мелешкина, В.Я.Гельман, Г.В. Голосов [и др.]. — М., 2000. — Гл. 7. — С. 177–211.

Попова О.В. Особенности политической идентичности в России и странах Европы / О.В. Попова // Политические исследования. — 2009. — №1. — С. 143–157.

Попова О.В. Социально-демографические факторы политической идентичности / О.В.Попова // *Miscellanea humanitaria philosophiae*. Очерки по философии и культуре. К 60-летию профессора Ю.Н.Солонина. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. — Вып. 5. — С. 170–184 (Серия: “Мыслители”).

Пшизова С.Н. От “гражданского общества” к “сообществу потребителей”: политический консьюмеризм в сравнительной перспективе / С.Н.Пшизова // Политические исследования. — 2009. — №1. — С. 100–117.

Dalton R.J. Citizen Politics in Western Democracies: Public Opinion and Political Parties in the United States, Great Britain, West Germany and France / R.J.Dalton. — Chatham: Chatham House Publishers, 1988.

Downs A. An Economic Theory of Democracy / A. Downs. — New York: Harper, 1957.